

K 556
49

— Будем друзьями!

Рис. В. ГОРЯЕВА

К Р О К О Д И Л

№ 36 МОСКВА 30 ДЕКАБРЯ 1949 — ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» — ГОД ИЗДАНИЯ XXVIII — ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

— Дедушка, зачем вы стрелку назад переводите?
 — Да понимаешь, дружок, такой хороший год был, что уходить не хочется!

Сергей СМЕРНОВ

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

ВСЕ столы Отечества украсив
 Уймой яств и блеском серебра,
 Старый год

уходит во-свосяси.
 Ну, старик, — ни пуха, ни пера!

Ты работал рук не покладая,
 Год великих планов и надежд,
 Был в войсках народного Китая,
 С песней дружбы

ездил в Будапешт.

Вот уже, торжественный и строгий,
 Ты на ёлках

все огни зажгёг...

Год пятидесятый

на пороге
 Обметает с валенок снежок.
 Вся земля мгновенья эти ловит.
 Звон курантов в воздухе плывёт.
 Бьёт двенадцать.

Чарки наготове.

Заходи, товарищ
 Новый год!

Не стесняйся, если мучит жажда,
 Выбирай — напитки на виду.
 Разреши тебе

от всех сограждан

Поднести
 Шампанского во льду.

Мелочные тосты отменяя,
 Мы за то провозглашаем тост,
 Что на красном знамени Китая
 Засияло

пять червонных звёзд!

Что в Восточной зоне и Берлине
 С каждым днём и крепнет и растёт
 Мирная Германия, где ныне
 Взял бразды правленья сам народ.
 За народы стран больших и малых,
 За соседей верных,

чтоб они

На демократических началах
 Шли за нами
 в будущие дни!

Мы хотим, чтоб мирным было небо,
 Чтоб всего хватало на земле:
 Добрых чувств,
 Предметов ширпотреба
 И турбин на атомном тепле.

Есть у нас уверенность большая
 В нашей силе и грядущем дне.
 Верится,

что нам не помешают
 Никакие происки извне,

Что рука
 простого человека
 Отовсюду вырвет корни зла,
 Чтоб вторая половина века
 Знала только мирные дела!

КИНОЗВЕЗДА ОБРАЗЦА 1950 ГОДА

СУДЯ по сообщениям журнала «Тайм», в 1950 году над Голливудом засверкает новая кинозвезда.

«Восемнадцатилетний Дон Синнот, — как сообщает журнал, — ломал кресла, с корнем вырывал радиаторы центрального отопления и срывал с петель двери в одном из ки-

нотеатров Лос-Анжелоса, чтобы доказать, что он достоин роли в новом фильме о «сверхчеловеке».

Кинокарьеру Дон Синнота обеспечена! В порыве творческого вдохновения он просто незаменим для фашиствующего Голливуда.

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

ПРЕНЕПРИЯТНАЯ история случилась с видными мексиканскими историками, ехавшими недавно в поезде с учёного конгресса, который состоялся в мексиканском городе Монтерей.

Когда учёные сели за стол в вагон-ресторане, официант нагло спросил, какими деньгами они намерены расплачиваться. Узнав, что у них есть только мексиканские доллары, официант, грубо потешаясь над историками, отказался их обслуживать, хотя они ехали по мексиканской территории. Учёные были оставлены без еды почти целые сутки.

Не знаем, какие доклады слушали историки на конгрессе, но в вагоне они получили весьма наглядный урок того, к чему приводит потеря государственного суверенитета.

ДЕРЖАТЬ И НЕ ПУЩАТЬ!

ПО СООБЩЕНИЯМ американских прогрессивных газет:

«В 28 штатах США, включая Вашингтон, все учителя школ должны теперь давать клятвенные заверения местным властям в том, что они не являются коммунистами. Учителя, отказывающиеся от этого позорного акта, автоматически теряют работу».

Таково ещё одно американское «достижение» 1949 года. Теперь, в наступающем году, в США, видимо, пойдут ещё дальше: начнут брать отпечатки пальцев у всех учеников начальной школы и таскать грудных детей в комиссию по проверке лояльности...

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ ИСТЕРИИ

КАКИХ «успехов» добились в 1949 году американские поджигатели войны, видно хотя бы из такого сообщения печати: «В Сан-Франциско организовалось специальное общество друзей истерии».

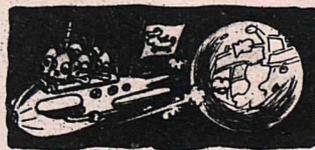
Некий Стэнли Поль, маклер по продаже земельных участков, являющийся членом общества друзей истерии, разослал жителям Сан-Франциско такое объявление:

«Треть населения США может быть уничтожена лучами смерти, радиоактивными снарядами и микробами... Но с божьей помощью мы готовы избавить вас от этого несчастья. Всего в одном часе езды от Сан-Франциско мы предлагаем вам земельные участки, расположенные в живописной местности и имеющие хорошие бомбоубежища».

Вот как и на холодной войне можно отлично погреть руки!

«ШУТКИ» ПОДЖИГАТЕЛЕЙ

ПО СООБЩЕНИЮ агентства «Ассошиэтед пресс», из Кито (Эквадор), местная радиостанция, подогревая военный психоз, решила «пошутить» над своими согражданами. Она передала сообщение о каком-то фантастическом военном вторжении в их республику. Эта «шутка» вызвала панику среди населения.

После того как радиостанция признала, что всё это сообщение — чистый вымысел, возмущённые жители города собрались около здания радиостанции, выражая своё негодование затаённой радиопровокацией. Страсти настолько раскалились, что толпа разгромила и подо-

КОМУ В ЕВРОПЕ ЖИТЬ ХОРОШО

УЩЕНКА Расти далеко не собачья жизнь. И он должен теперь громким лаем выразить признательность лейбористскому правительству за себя и свою аристократическую хозяйку.

Как сообщают английские газеты, цитируя хронику жизни английского «высшего света»:

«Щенок породы терьер, по кличке Расти, проследовал вчера через аэродром Шэннон на самолёте из Нью-Йорка в Париж, к своей хозяйке герцогине Виндзорской».

Но этот аристократический пёс не одинок. В 1950 году открываются блестящие перспективы перед французскими ищейками.

Неудавшийся французский премьер Жюль Мок, работая министром внутренних дел, использовал для борьбы с трудящимися не только бывших вишйских жандармов, но и гестаповских собак-ищейек. После блестящей «операции» против бастовавших марсельских рабочих гестаповские овчарки начали пользоваться особым расположением Жюля Мока.

Французская печать сообщает, что во всех префектурах на новый год создаются специальные «собачьи бюджеты», ведётся обширное «собачье строительство». На строительство псарни департамента Сены ассигновано 53 тысячи франков. На каждый собачий обед расходуется 64 франка (столько же на завтрак и на ужин); в то же время нетрудоспособные старики получают от государства только несколько франков в день.

На своих верных друзей — полицейских псов — Жюль Мок не жалеет средств. Его милостью собаки-ищейки живут неплохо. А собачью жизнь он создаёт жителям рабочих кварталов.

жгла радиостанцию. На помощь «шутникам» были вызваны полиция и армейские части, которые в борьбе с демонстрантами применили танки и слезоточивые газы.

Так закончилась «невинная шутка» эквадорских радиоврачей, попытавшихся представить, как будет выглядеть война.

Что ж, происшествие на эквадорской радиостанции — отличное предупреждение поджигателям войны на тот случай, если они попытаются перейти от «шутки» к делу. Черчилли и прочие даллеса могут рассчитывать, что они сами окажутся в положении избитых и разгромленных эквадорских радиослужащих.

— Поднимаю заздравный тост за нашу большую, дружную, демократическую семью! За то, чтобы она росла и крепла с каждым годом!

ИСПОВЕДЬ

МРО меня говорят, что я человек неглупый. И работник я неплохой. Но у меня есть несчастная страсть, даже порок!

Я очень люблю выступать с речами на собраниях. И странно, на узких совещаниях, где можно говорить просто, вот как сейчас, я обычно молчу. Меня тянет выступать именно на ответственных собраниях, где имеются президиум, ораторская трибуна, графин с водой, столик стенографисток и... сотни человеческих ушей и глаз!

Перед тем, как пойти на собрание, я очень волнуюсь. Я хожу по комнате из угла в угол и обдумываю своё выступление.

О чём я буду говорить? Выясняется, что говорить мне, собственно говоря, не о чём. Я пишу тезисы.

Но жена-то меня знает. Она подходит ко мне, смотрит на меня умоляющими глазами и говорит:

— Стёпочка, я тебя очень прошу... не выступай!

— Оставь меня!

— Если тебе так уж хочется выступить, выступи передо мной. Я разбуджу Клаву и Митеньку: они тоже с удовольствием послушают. И соседей можно позвать!

— Вот-вот! Ещё вызови тётю Зину. И будет полный семейный кворум!

Спор наш кончается ссорой. Митенька и Клава просят громко ревет: «Папочка, не выступай!» Жена заявляет, что она очень сожалеет, что в своё время сделала один глубоко ошибочный и, увы, непоправимый шаг в жизни.

Я убегаю на собрание с испорченным настроением.

Сажу я обычно в первом ряду.

И вот начинаются прения по докладу.

Призывно звенит председательский колокольчик. Аппетитно поблёскивает вода в графине. На трибуну один за другим выходят ораторы — мои товарищи. Они говорят красиво, умно, речь их льётся плавно и легко, и мне кажется, что я могу всё сказать уж, во всяком случае, не хуже, чем они!

Я начинаю томиться и ёрзать на стуле. Голос благоразумия шепчет мне предостерегающе:

— Опомнись! Удержись! Не выступай!

Но именно в этот опасный момент председатель спрашивает:

— Кто ещё хочет высказаться?

И неожиданно для самого себя я выкрикиваю сдавленным, уже не своим голосом:

— Прошу слова!

Председатель объявляет мою фамилию. По залу сразу проходит лёгкий странный ветерок. Я выхожу на трибуну, как в тумане, оглядываю зал и, заметив прикреплённый к трибуне микрофон, мгновенно начисто забываю всё то немногое, что хотел сказать!

Я гляжу на людей и, напряжённо улыбаясь, делаю вид, что собираюсь с мыслями...

Но наших трудно провести. Они переглядываются, перешёптываются. Соусов, наш учрежденческий остряк, наклоняется к уху Зиновки из бухгалтерии и что-то ей шепчет. Зиновка громко фыркает и смотрит на меня сострадательно.

Обливаясь холодным потом, я заглядываю в свои тезисы и... ничего не могу в них понять: почерк у меня вообще неразборчивый, а тезисы, к тому же, написаны наспех. Расшифровать эту загадочную клинопись у меня нет времени, поэтому я храбро открываю рот и начинаю говорить с расчётом на то, что сбежавшие мысли устыдятся и сами вернуться по своим местам в процессе высказывания.

Косясь на стенографистку, я говорю:

— Я хотел бы сказать... вернее, так сказать, произнести несколько слов... даже,

если хотите, не произнести, а промолвить... в общем, короче говоря, я хотел бы высказаться. О чём я хотел бы высказаться?

Я делаю глубокомысленную паузу. Но сбежавшие мысли, увы, не появляются на горизонте.

Я продолжаю:

— Я хотел бы заострить ваше внимание... вернее, так сказать, остановиться... даже, если хотите, не остановиться... в общем, я хотел бы подчеркнуть... Что я хотел бы подчеркнуть?..

Я снова делаю паузу. Мыслей нет! Я смотрю на стенографистку с ужасом и тоской. Как я ненавижу её в эту минуту! Нет, я ничего лично против неё не имею, конечно, но зачем она всё записывает?

Но вот — ура! — откуда-то, из самых тёмных закоулков памяти, выбегает первая, крохотная, запыхавшаяся, как загнанный мышшонок, мыслишка!

Немедленно я загоняю её в мышеловку своего выступления, и она долго мечется там, тыкаясь холодным носиком в железные прутья придаточных предложений.

Ох, эти придаточные!..

Запутавшись во всех этих «чтобы», «потому что», «вследствие чего», «оттого что» и «для того что», я с ужасом убеждаюсь в том, что не могу кончить фразу и поставить точку.

В зале откровенно хохочут, а я всё плыву куда-то и плыву, жуя свои «оттого что» и «для того что».

Соусов громко говорит Зиновке из бухгалтерии:

— Да, не Демосфен!

К концу выступления в моей мышеловке оказываются две мыслишки.

Небогатый улов!

С бодростью утопающего я булькаю:

— На этом позвольте мне закончить своё выступление!

Мне охотно «позволяют» закончить, и я под ехидные хлопки сажусь на своё место, стараясь не смотреть на соседей. Уши у меня пылают, сердце стучит, я чувствую себя несчастным. И так происходило на каждом собрании.

Не знаю, до чего довела бы меня моя страсть, если бы не заботы товарищей, и, в частности, Соусова.

Однажды он позвал меня к себе встречать Новый год. Было много народу, все наши, учрежденческие. После тостов и спичей мы стали слушать патефон.

Соусов поставил очередную пластинку и сказал:

— А теперь послушайте комический монолог. Называется «Оратор». Фамилию артиста-исполнителя я называть не буду, попробуйте отгадать сами!..

Пластинка завертелась — и сразу все стали смеяться. Поднялся такой хохот, что до меня долетели лишь отдельные слова оратора. Я не мог разобрать, что он говорит, я понял только, что он высказывается «за» и «против» одновременно. Тогда я стал смеяться вместе со всеми. И когда пластинка кончилась, сказал:

— Правильно подмечено! Есть у нас такие ораторы. Но кто этот артист? Ужасно знакомый голос.

Соусов сделал классическую паузу и сказал:

— Это ты! Помнишь микрофон? В тот день мы записали тебя для потомства.

Больше я не выступаю с речами на собраниях.

Теперь, когда, сидя на собрании, я чувствую ораторский зуд — этот самый опасный вид душевной чесотки — и уже поднимаю руку, чтобы попросить слова, я вспоминаю свою пластинку и говорю председателю:

— Нет, ничего... это... так, на нервной почве!..

И выхожу в коридор покурить.

МОСКВИЧИ ОТЛИЧНО ВСТРЕЧАЮТ НОВЫЙ ГОД...

Рис. Ю. УЗЬЯКОВА

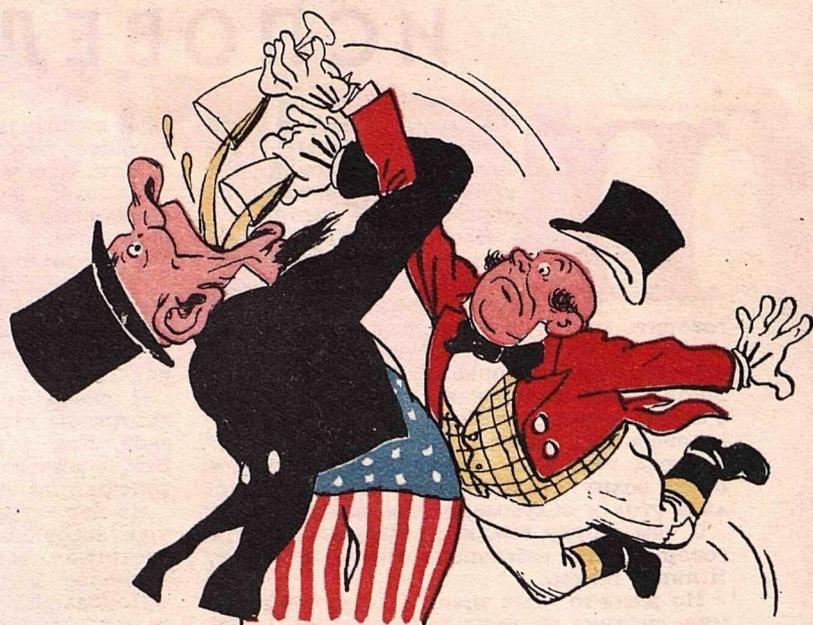

...хотя встречи происходят на разных уровнях.

Рис. А. ВАЖЕНОВА

— Налей, налей бокалы!..

Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

НОВЫЙ ГОД И СТАРЫЕ МАРИОНЕТКИ

ТОРОПИТСЯ к нам молодой Новый год,
Но всё ещё без изменения
Во всех балаганах Европы идёт
Наскучившее представление:

На сцене находится кукольный хор,
Тончайшей отделки и выточки,
А сзади, за ширмой,
стоит режиссёр
И дёргает кукол за ниточки.

Немало есть марионеток таких,
Довольно умело обточенных,
Довольно послушных,
довольно смешных,
Во всех уоллстритовских вотчинах.

У каждой, конечно, особая роль:
Есть куклы помладше,
постарше,
Есть куклы-министры,
есть кукла-король,
Есть марионетка-фельдмаршал.

Есть кукла с кнутом и секирой в руке,
Размах у ней есть и сноровка;
Висит эта кукла
на тонком шнурке,
А плачет по кукле верёвка.

Есть куклы для голосования «за»,
Для подлостей куклы бывают,
Есть куклы, которые только глаза,
Когда им велят, закрывают.

Есть куклы, сующие всюду свой нос,
А скажем, к примеру, в Боливии
Есть куклы болтливые, как Шоукросс,
И даже немного болтливее.

Есть Бевин.
Он очень солиден на вид,
Поставлен солидной фирмой,
Он рот раскрывает... но он говорит
Лишь то, что подскажут за ширмой.

От всех от них тянется тонкий шнурок.
Потянет хозяин незримо —

Цалдарис завоет,
залает Жюль Мок,
И папа заблеет из Рима,

И Тито поднимет кровавый топор,
И Блюм зашипит на задворках,
И Сартр сочинит отвратительный вздор
В угоду банкирам Нью-Йорка.

У марионеток судьба — карусель:
Снимают их бережно с полок,
Выносят на сцену,

вручают портфель,
Сажают на пост,
назначают им цель...
Но век этих кукол недолог!

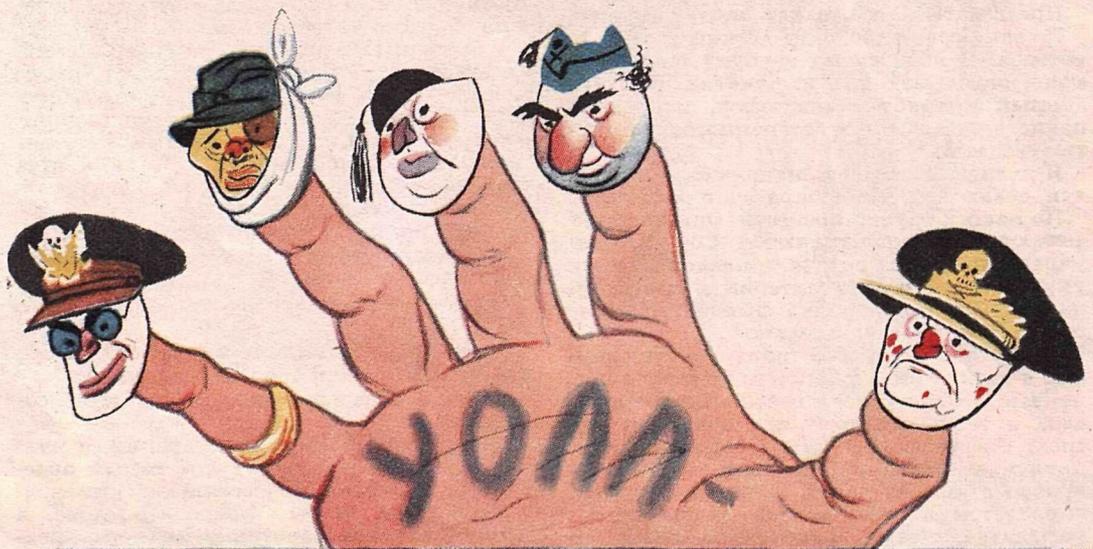
Торопится к ним молодой Новый год,
И всё переменится скоро.
Стремительный, юный,
он гибель несёт

И куклам,
и их режиссёрам.

Он гибель несёт им самим,
их делам,
Их замыслам грязным и жалким.
И скоро, как старая ветошь, как хлам
Лежать они будут на свалке.

Мы срок назначать не имеем в виду,
Но знаем: так будет примерно
Ну если не в нынешнем Новом году,
То в будущем Новом наверно.

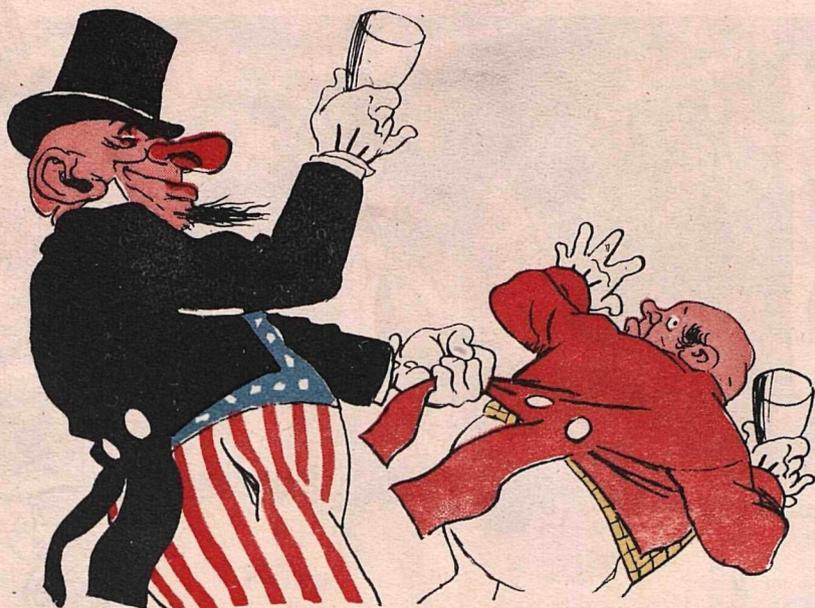
Рис. Бор. ЕФИМОВА

— Маски, мы

Слева направо: Бредли, Чан Кай-ши, Цалдарис, Франко, Тито.

БРУДЕРШАФТ

— Постой! Выпьем, ей богу, ещё!..

НЕ В БРОВЬ, А В ГЛАЗ

Недавно американский кинорежиссёр Альфред Хичкок посетил в Англии Бернарда Шоу. Встретившись впервые с знаменитым английским писателем, Хичкок был не мало удивлен, увидев перед собой худого, истощённого на вид старика. Развязный пухленький американец, с трудом отиснувшись в предложенное кресло, не удержался от замечания:

— Господин Шоу, глядя на вас, сразу можно сказать, что Англия голодает.

Бернард Шоу, как обычно, не лез в карман за словом и ответил на сомнительную остроумность заокеанского гостя:

— Глядя на вас, господин Хичкок, сразу можно сказать, кто в этом виноват.

ЖУЛИКИ В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ФРАКАХ

МРАЧНО встречают Новый год некоторые дипломаты, или, вернее жулики в дипломатических фраках.

Истекший год не принёс им ничего утешительного. Они с треском провалились и, почёсывая ушибленные места, вспоминают минувшие дни...

В столице Норвегии Осло существует неизвестно зачем дипломатическая миссия Кубинской республики. Зато совершенно точно известно, что делает в этой миссии один из её руководителей, сеньор Аранго из Альсина. С ним достопочтенным джентльменом произошёл пренеприятнейший конфуз.

Направляясь в Осло, к месту службы, он был задержан полицейскими властями шведского портового города Гетеборга. Любопытство шведских Шерлок Холмсов уже давно вызывало подозрительно объёмистый багаж сеньора Аранго из Альсина, с которым он неоднократно путешествовал, будучи ещё атташе кубинской миссии в Швеции.

Этот объёмистый «дипломатический» дарчик открывался довольно просто, но открытие было сделано поистине необычайное... даже для кубинских «дипломатов».

Там оказалось... 12 (двенадцать!) тысяч пар нейлоновых чулок.

Сиятельный контрабандист лепетал что-то по поводу своих обширных знакомств среди прекрасной половины шведского населения, но, даже принимая во внимание знойный темперамент южного сеньора, его объяснения вызвали только улыбку на лицах шведских таможенных чиновников.

Эта грязная история — только эпизод в цепи других, не менее скандальных случаев, характеризующих нравы господ дипломатов западных государств.

Дипломат южноамериканской республики Коста-Рика, прибывший на парижский аэродром из Амстердама, пытался пересечь в другой самолёт, направлявшийся в Женеву, но в этот момент его пригласили в полицейское бюро.

Там, несмотря на протесты «дипломата», заявившего, что он пользуется правом неприкосновенности как делегат Коста-Рики при международной организации по вопросам здравоохранения, его чемодан всё же был вскрыт.

В нём обнаружили несколько слитков золота общим весом... 26 килограммов.

Судя по всему, представитель здравоохранения Коста-Рики сам заболел... золотой лихорадкой. Он невнятно пытался объяснить, что всё это золото для вставки зубов жителям Коста-Рики. Однако высокопоставленный спекулянт забыл, что в представляемой им республике нехватит жителей, чтобы вставить такое количество золотых зубов...

Но оба этих южных дипломата — и кубинец и костариканец — просто ценки по сравнению с третьим, пойманым за руку сиятельным лютбителем лёгкой наживы.

Речь идёт о бельгийском генерале Дельвуа, который состоит военным советником комиссии Совета Безопасности Организации Объединённых Наций по кашмирскому вопросу.

Сей бравый вояка, очутившись в сказочной Индии, пытался увезти из Кашмира на самолёте, принадлежавшем ООН, семь ящиков разных ценностей, но был пойман с поличным.

Что и говорить, ценных представителей посылает бельгийское правительство в Организацию Объединённых Наций!

Генерал Дельвуа был бы, конечно, гораздо более на месте в международной организации жуликов и аферистов.

А поскольку такая лига в 1950 году ещё не создаётся, генерал-мародёр намеревается поработать пока в комиссии по сколачиванию западноевропейского блока. Там он получит необходимую теоретическую и практическую подготовку...

В АМЕРИКАНСКОЙ УПРЯЖКЕ

РАСКАЗЫВАЯ о дружбе своих героев Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, Гоголь писал, что их «сам черт связал верёвочкой». Греческого шакала с турецкой гниёной Уолл-стрит связал «планом Маршалла». Они покорно шагают в одной упряжке, но это не мешает им время от времени огрызаться, рычать и скалить друг на друга свои хищные зубы.

Один из футбольных матчей этого года на «кубок дружбы» средиземноморских маршаллизованных стран окончился форменным избиением турецких футболистов.

Эта «дружеская» потасовка имела большие последствия. Вопрос обсуждался в турецком меджлисе; турецкий министр иностранных дел Садак заявил, что ноги турецких футболистов больше не будет в Греции. В крупных городах Турции произошли антигреческие демонстрации, в Стамбуле толпа торжественно водила по улицам осла, покрытого греческим монархо-фашистским знаменем.

Очевидцы рассказывают, что ослу это было очень к лицу...

Турецкая печать, видимо, в качестве компенсации за ущерб, причинённый на футбольном поле, потребовала передачи Турции Кипра и Додеканезских островов.

Греческие газеты в свою очередь подняли вой о дерзости турок и лицемерии их дружбы.

Скандал разрастался, но раздалось щёлканье американского бича, и Садак и Цалдарис, жалобно взвизгнув, выступили на пресс-конференции с медоточивыми заявлениями о крепости греко-турецкой дружбы.

Прошло всего полтора месяца, и шакал снова сцепился с гниёной, пока, правда, только на страницах газет.

Афинская газета «Проспийкос космос» потребовала всего-навсего передачи Греции Восточной Фракии с городами Эдирне и Кырларели.

Турецкая печать немедленно перешла в контратаку. Газета «Сан поста» выдвинула требование о возвращении Турции Салоник. Турецкий премьер-министр в сопровождении инспектора 1-й армии срочно выехал в Восточную Фракию, выступая с воинственными речами о турецком «могуществе».

Вся эта мышиная возня не стоила бы даже упоминания, если бы она не характеризовала гнилость и шаткость всех блоков, лихорадочно сколачиваемых англо-американскими поджигателями войны.

Связанные гнилой «верёвочкой», пристяжные сателлиты везут американский воз. Но... где тонко, там и рвётся. Достаточно им погрызться из-за куса американской подачки, как «дружба» мгновенно улечивается и появляется звериный оскал двух хищников.

Это открыто подтвердил анкарский корреспондент агентства Франс пресс, который сообщил следующее:

«Политические и военные круги Турции надеются, что американская военная помощь будет значительно увеличена за счёт Греции».

Комментарии, как говорится, излишни!

А. БОБРОВСКИЙ

вас знаем!

Блум, Шумахер, Бевин, Аденауэр, Сарагат.

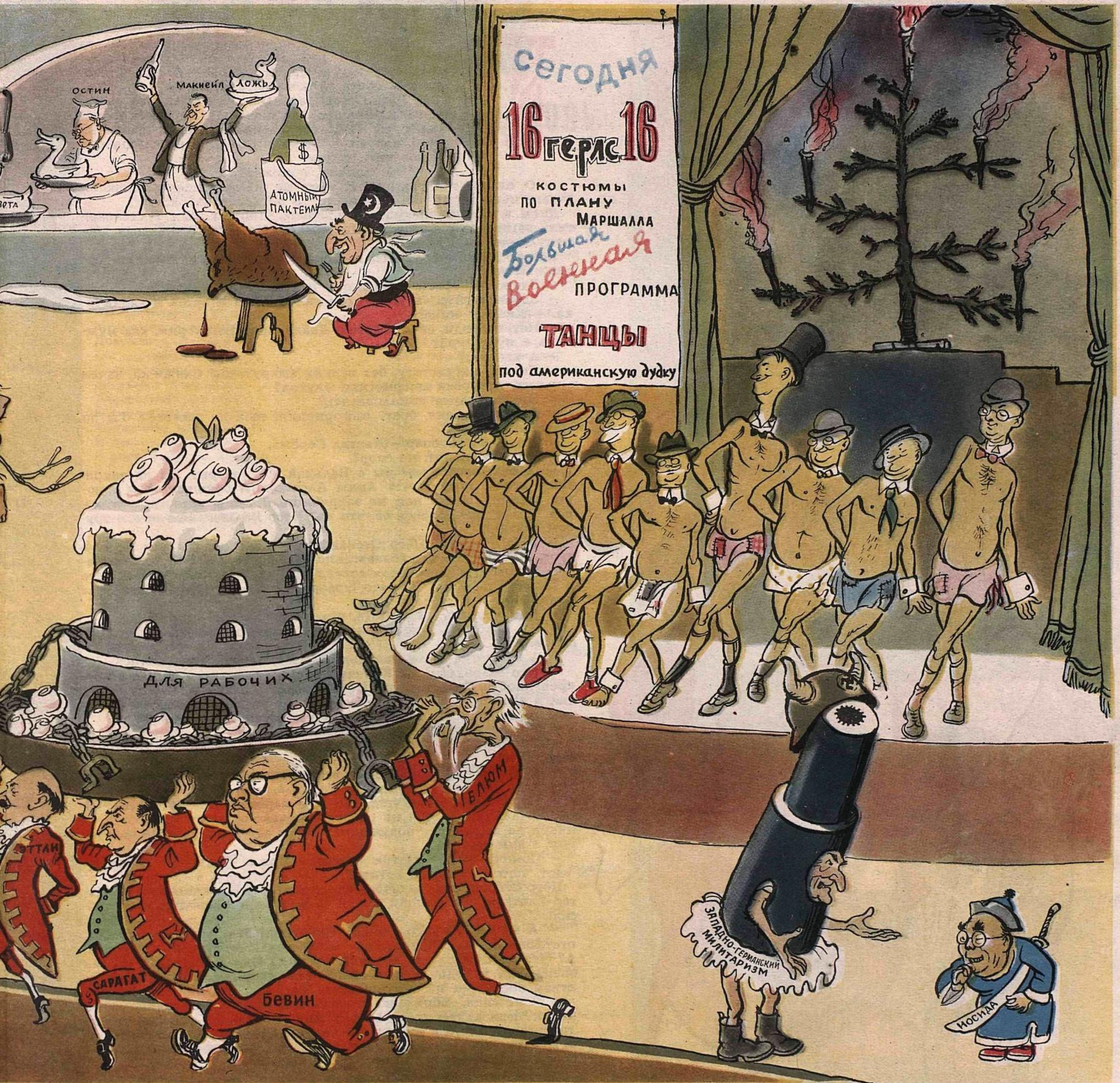
Рис. И. ПРОСКУРЯКОВА и М. АБРАМОВА

НОВЫЙ, 1950 год встречает весь мир. Встречают его и за океаном. Наши художники изобразили здесь это пышное празднование. На переднем плане, взобравшись на несгораемый шкаф, как на трон, сидит сам мистер Уолл-стрит — претендент на мировое господство. Судя по выражению лица господина претендента, новый, 1950 год не сулит «его долларовому величеству» никаких радостей. И к тому же ТАСС ещё 25 сентября испортил ему настроение. Верноподданные Уолл-стрита, господа Шуман и де Гаспери, из кожи лезут вон, чтобы как-нибудь утешить своего повелителя. Но что они могут

сделать? Разве что лишний разок чмокнуть его в подол мантении. Кровавая дворянка-уоллстритка Тито тоже находится в плохом настроении: болит хвост, прищемлённый в Будапеште и Софии. Ему хочется завять, да он боится, как бы ему за это не дали пинка. Престарелая сводня Черчилль спешит по случаю Нового года развлечь господина претендента по-своему. Он привёл на праздник сразу двух девиц сомнительного поведения: Франко и Цалдариса. Социал-предатели всех мастей, одетые в присвоенную им лакейскую форму, несут новогодний торт. Они надеются угодить своему заказчику — торт испечён по его изысканному вкусу: сдобрен

репрессиями против рабочих, а сверху облит сиропом «социалистической» фразеологии. В отдалении маячит довольно странная фигура: голова забинтована, штаны в ключьях, в руках нищенская шапка. Это Чан Кай-ши. Битый Гоминдановский фюрер робко просит:
— Подайте, что вашей милости будет угодно!
— Тебе уже давали!.. Шесть миллиардов долларов дали. Где они?
— Рассосались, господин претендент. Сами видите: ни обуви, ни одежды не осталось!
— Все вы такие! Шантрапа! Даёшь вам, даёшь — и всё, как в прорву!
Воннский канцлер господин Аденауэр явился на празднование в костюме покроя «реванш». У нас о

любителях таких одеяний говорят: «Барин в манишке, но без штанов». Но японский премьер Иосида думает иначе. Глядя на суррогатного канцлера, он плочает слюны и мечтает: «Надо будет попросить его превосходительство генерала Макартура, чтобы и мне такой же костюмчик пошили!»

На западноевропейской эстраде тем временем выступают шестнадцать гёрлс из маршалловского ансамбля. Ни телосложением, ни костюмами бедняжки блеснуть не могут. На скудном американском пайке они похудели и обносились до неприличия! Ай-ай-ай! Куда же смотрит постановщик этого балета господин Гофман!

А на заднем плане в коктейль-холле за круглым

столом пируют генералы — американские и английские. Они надели по случаю праздника свою парадную форму: смиренные рубашки-форрестолки. Для полного сходства со знаменитым покойником им остаётся только произнести очередной бредово-агрессивный спич, выпить, закусить и... броситься головой вниз с шестнадцатого этажа.

К этой небольшой, но тёплой компании готов присоединиться гитлеровский фельдмаршал Манштейн. Он тоже надел форрестолку и тоже готов... прыгать.

За отдельным столиком кушает индюка, подаренного Трумэном, турецкий премьер Исмет Иненю. Кушает и не давится, хотя подарок был сделан по

принципу: я тебе — индюшку, а ты мне — суверенитет!..

На кухне, в полуподвале, кипит своя работа. Здесь в поте лица стараются опытные повара — господин Остин и Макнейл. Слышатся их бодрые голоса: — Кто заказывал антисоветскую клевету? Готова! Возьмите «утку», соус «орехня!» Пришлите за антикоммунистической сплетней, — поспела!

Уныло и мрачно на этой пышной заокеанской встрече Нового года. Сейчас начнут бить часы — и после каждого их удара у мистера Уолл-стрита и его приближённых настроение испортится ещё больше.

Не сулит счастья поджигателям войны наш бодрый, молодой, весёлый 1950 год!

МУЖЧИНЫ

ПОСЛЕ нескольких неудачных попыток Ольге Ивановне наконец повезло: она услышала в телефонной трубке солидный басок Петра Степановича, брата её покойного мужа.

— Пётр Степанович! Ох, как я рада, что застаю вас! Очень прошу приехать! С Серёжей просто сладу нет. Избаловался мальчишка. В школе на него жалуются. Меня и бабушку не слушается. Поговорите с ним.

— Вы думаете, поможет?

— О, он вас так уважает! К тому же вы не лишены... этакой... педагогической жилки... Приедете? В воскресенье? Жду!

Днём в воскресенье раздался звонок. Пришёл дядя. В столовой тихо заговорили. Серёжа прислушался. Мать несколько раз упомянула его имя.

Вскоре дверь отворилась, и на пороге возникла плотная фигура дяди Пети.

— Здорово, Сергей — начал он, — как жизнь?

— Здравствуйте, — вежливо ответил Серёжа и встал с диванчика. — Жизнь — ничего.

— Нет, ты сиди, сиди, Сергей! Давай, брат, поговорим, как мужчина с мужчиной.

— А как это?

— Да так: на чистоту, без всяких выкрутасов! Скажи-ка, зачем в классе на уроке арифметики мяукал?

— Это вам мама пожаловалась?

— Откуда у меня, брат, информация, тебя не касается. Ты по существу. Понял?

— Мяукал я на спор, — ответил Серёжа.

— Что это значит: на спор?

— А так: поспорили мы с Валькой. Он говорит: ты не закричишь котом, потому что Анны Алексеевны боишься. А я говорю: закричу. А он: нет, не закричишь. Ну я и крикнул — вот и всё. Что ж мне бояться её, что ли? Чтоб Валька меня потом трусом считал?

— Д-да, — сказал Пётр Степанович, — конечно, бояться не следует, а уважать — это обязательно. Ну, представь себе, что на работе, скажем, на заводском совещании, вдруг ни с того, ни с сего я закричу петухом. Что это: храбрость? По-моему, обыкновенное хулиганство, и только!

— Вам кричать, дядя Петя, нехорошо, вы уже старый...

— Ну, положим, я не такой уж старый, — пробормотал Пётр Степанович.

— А вот когда были маленьким, тоже, наверно, баловались.

— Кто баловался? Я? Конечно, нет! То есть, если пошло на откровенность, было и такое. Но баловался я разумно, в меру своих сил и способностей... Но не будем отвлекаться. Скажи-ка мне, зачем ты дал списать у себя задачу какому-то Дудкину?

— И совсем не Дудкину, а Будкину!

— Фамилия дела не меняет — Дудкин или Будкин, а это, брат, непорядок!

— А что тут плохого? Мама всегда говорит: надо помогать отстающим. Будкин — отстающий!

— Ну, знаешь, дорогуша, это уже перегиб! Представь себе: я, как начальник, у себя на работе замечаю: один из моих сотрудников не выполняет порученных заданий. Что я должен, потворству ему, с ним сделать?

— Помочь ему, — ответил Серёжа. — Может быть, он не понимает, чего вы от него хотите?

Пётр Степанович озадаченно посмотрел на третьеклассника, вытер платком вспотевший лоб и с деланным равнодушием спросил:

— А за что ты побил вчера Иванцова? Что это: тоже помощь отстающим? Или проявление твоей исключительной храбрости? А? Что же примолкли, молодой человек? Или вы молодец против овец, а на молодца и сам овца? — съехидничал дядя и с торжеством посмотрел на смуглившегося Серёжу.

— Я не овца, — обиженно отозвался Серёжа. — Я не виноват. Он лез к первоклассникам. Мяч у них отобрал. Я говорю: ты же третьеклассник, а к маленьким лезешь. Отдай мяч! А он: не отдам! Я схватил мяч, он меня ударил. Ну, я его боксом. Он заревел и побежал жаловаться...

Пётр Степанович потеплевшим взглядом посмотрел на своего юного собеседника и неожиданно для себя сказал:

— Вот как было дело! Помню, и у меня такой случай произошёл...

Серёжа поудобней устроился рядом с дядей.

— Был у нас в классе один парень. Звали его Женька Маков. Так вот этот Женька малышкой обижал. Отнимет у малыша завтрак, даст подзатыльник и убежит. Однажды...

Когда через полчаса мама, обеспокоенная затянувшейся беседой, заглянула в комнату, мужчины громко хохотали.

Дядя Петя, задыхаясь от кашля, кричал:

— Тут я ему как дам, а он меня как...

Увидев Ольгу Ивановну, мужчины смутились. Дядя Петя виновато оправил пиджак и, вставая, сказал:

— Так вот, Сергей, в общем и целом, кажется, всё. Пора и по домам, — и, смущённо покашливая, вышел из комнаты.

Ростов на Дону.

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

— С наступающим!

РОВНО В ДВАДЦАТЬ ТРИ НОЛЬ НОЛЬ...

С ТЕМНОТОЙ вполне
освоюсь,
Набирая мерно ход,
Шёл в столицу скорый
поезд

Вечером
под Новый год,
И в купе сидели рядом,
Примостившись у окна,
Журналист и виноградарь,
Девушка и старшина.
Так сдружила их дорога,
Словно знали с давних пор!..
Завязался понемногу
Новогодний разговор.
Все уже успели прочно
Расписанье изучить
И рассчитывали точно
К первой рюмке дома быть.

Весь в медалях, при погонах,
Ехал в отпуск старшина.

Виноградарь вез бочонок
Знаменитого вина
Золотистого оттенка.

С зимней практики студентка
Возвращалась в институт,
Где её на вечер ждут.

Журналист среди разговора
Тост вынашивал, который
Он в Москве под Новый год,
Как экспромт, произнесёт...

Хорошо, что поезд мчится,
Не страшась пурги шальной,
Что приходит он в столицу
Ровно в двадцать три ноль ноль.

Вдруг стучится проводница,
Скромно опустив глаза:
— Я прошу вас не сердиться,
Но прибудем мы в столицу,
Опоздав на два часа.

Стало тихо. Скучно стало.
И, издав протяжный свист,
«Так и знал я... Всё пропало!» —
Грустно молвил журналист.
Девушка сказала: — Вот,
Вот тебе и Новый год!
— Непорядок, скажем честно! —
Подытожил старшина.
И в купе тяжеломерно
Воцарилась тишина.

Девушка уткнулась в книжку,
Старшина решил вздремнуть,
Чтоб, не утомляясь слишком,
Хоть развлечься как-нибудь.
(Ведь теряться — это,

право,
Ни в пути, ни на войне,
По неписанным уставам,
Не годится старшине.)
— Что случилось, генацвале? —
Вдруг промолвил винодел, —
Где причина для печали?

Так ли мрачен наш удел?
Можно — только захоти! —
Встретить Новый год в пути.
Что же тут, друзья, плохого?
Есть причина пить до дна,
Есть бочонок — ой, какого,
Вы не видели такого! —
Золотистого вина.
Также, если я не пьян,
Есть у старшины баян.
Будем петь, мои родные,
Под началом старшины:
«Выплывают расписные
Стеньки Разина челны».
Будем петь и пить сегодня,
Как в моём краю родном.
Что ж до ёлки новогодней, —
Вон их сколько за окном!
Так что в общем, генацвале,
Нет причины для печали.

И действительно, вокруг
Все заулыбались вдруг.
Винодел сказал лишь слово,
И на столик у окна
Встал бочонок — ой, какого,
Вы не видели такого! —
Золотистого вина.
Старшина тотчас извлёк
Из мешка сухой паёк.
(Ведь теряться — это,

право,
Ни в пути, ни на войне,
По неписанным уставам,
Не годится старшине.)
Девушка свои пакеты
Развернула, и в купе
Появились и конфеты,
И печенье, и т. п.
И когда у журналиста
Был экспромт почти готов
(Он писался очень быстро:
В продолженье трёх часов),
Вновь стучится проводница:
— Разрешите к вам войти?
Как-то, право, не годится
Новый год встречать в пути...
(А в глазах её искрится,
Ох, задорный огонёк.)
Через полчаса — столица...
Поезд прибывает в срок!
Всё-таки не подкачал
Перовозный персонал:
Машинист не зря работал
И явил такую прыть:
Никому ведь не охота
В Новый год с должком входить.

...Хорошо, что поезд мчится,
Не страшась пурги шальной,
Что приходит он в столицу
Ровно в двадцать три ноль ноль.

— Только жаль, — сказал соседу
Расторопный старшина, —
Жаль, что не пришлось отведать
Золотистого вина.

Но воскликнул виноградарь:
— Так расстаться нам нельзя,
Всё ж начать бочонок надо.
Есть хороший тост, друзья:
Выпьем дружно, генацвале,
Чтоб, не тратя лишних слов,
Все мы в Новый год вступали
Без каких-либо должков!

Новогодний визитёр.

ЭПИГРАММЫ

С. МАРШАК

Ему талант необычайный дан,
Поэтов мало в этом роде:
Блестяще переводит англичан
И их же мастерски изводит!

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

(АВТОР МНОГОЧИСЛЕННЫХ РАССКАЗОВ О РЫБНОЙ ЛОВЛЕ)

Мы скажем автору спасибо
За то, что им воспета рыба...
Теперь надеяться мы будем,
Что он воздаст хвалу и людям!

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ ФЕЛЬЕТОНИСТ

Читатели удивлены:
По методам, давно знакомым,
Печёт он фельетоны, как блины,
И что ни новый блин, то комом!

НОВОГОДНЕЕ ПОЖЕЛАНИЕ
Л. ЛАГИНУ

(АВТОРУ КНИГИ «ПАТЕНТ АВ»)

Обещай нам в дату эту,
Что торжественность момента,
Что не будешь жить на ренту
С прошлогоднего «Патента»!

СЛАБОНЕРВНЫЙ САТИРИК

Он беспощадно всех критиковал
И съел собаку в этом деле,
Когда ж его слегка задели, —
Он поднял панику: «Убили наповал!»

СУББОТНИЙ ЮМОР
«ВЕЧЕРНЕЙ МОСКВЫ»

Здесь по субботам с давних пор
Печатаются басни,
И все они, как на подбор,
Одна другой ужасней!

ОБ ОДНОМ ТОРОПЛИВОМ ПОЭТЕ

Стихи он пишет злободневные,
Но, к сожаленью, однодневные.

ЗАМКНУТЫЙ ЛИТЕРАТОР

Он не любил больших собраний,
В своей норе сидел, как крот,
И даже посещение бани
Считал «хождением в народ»!

СЕРГЕЙ ШВЕЦОВ

НОВОГОДНЯЯ СМЕСЬ

НОВЫЙ ГОД БЮРОКРАТА

Рис. Е. ВЕДЕРНИКОВА

— Поздравляю вас с Новым годом
за входящим номером 1950!

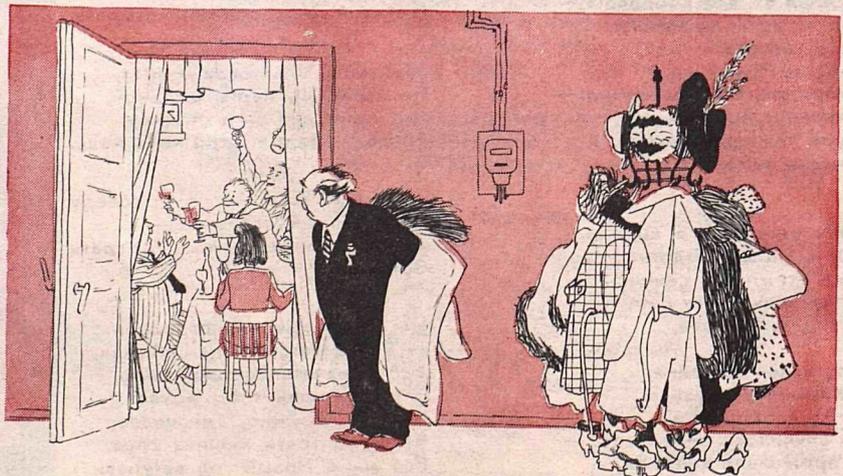
Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

Предпраздничная нагрузка «москвичей».

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

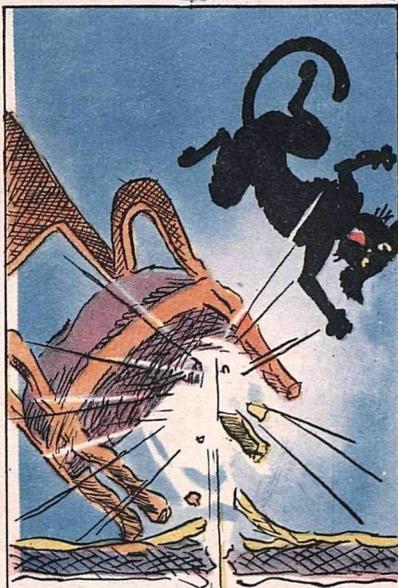
— Я, кажется, опоздал! Совсем забыл, что на встречу Нового года
приглашён, а не на совещание!

Рис. А. КАНЕВСКОГО

Витя на распутье.

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

Качество шампанского бывает иногда выше качества ремонта.

Рис. М. ВАЙСБОРДА

— Дарю тебе к Новому году эти тетради!
— Зачем они мне! Возьми их лучше себе. Ведь уроки всё равно ты за меня готовишь.

ЭПИГРАММЫ

КРИТИКУ ОГЛЯДКИНУ

Перестраховщик-критик! Наш совет учти:
Нет у тебя размаха исполинского,
Но если пишешь ты с оглядкой статьи,
То лучше их пиши с оглядкой... на Белинского!
В. ГРАНОВ

ЛИТ. НАЧЕТЧИК

Словечка не проронит своего,
Не человек — ходячая цитата.
Ума палата явно у него,
Да жаль, что это книжная палата.

ЛИТ. ОРАТОР

По поводу того, сего
Он вечно в прениях «блистает»,
Хотя не пишет ничего
И вряд ли что-нибудь читает.
Он всё кричит: «Я литератор!».
Увы, он только лит. оратор.
А. РАСКИН

ТИХОН СЁМУШКИН

(АВТОР РОМАНА «АЛИТЕТ УХОДИТ В ГОРЫ»)

Уходит в горы Алитет,
Оставив в прозе свежий след.
МАРК ШЕХТЕР

В. АЖАЕВ

Писатель В. Ажаев после хорошего романа «Далеко от Москвы», опубликовал книгу слабых рассказов «Золото».

Хоть имя автора и уважаемо, —
Не всё то — золото, что у Ажаева.
Я. ДЫМСКОЙ

КАРАН Д'АШ

Он зрителям давно уже знаком.
О нём мы скажем прямо, без оглядки:
О, как легко таким Карандашом
Затушевать в программе недостатки!

В. БАХНОВ

ПЛОХОЙ ЭСТРАДНОЙ ПЕВИЦЕ

Бегут мурашки по спине
От ноты от любой:
Не пой, красавица, при мне —
И при других не пой!

Ян САШИН

ГРУСТНЫЕ ДНИ «ВЕСЕЛОЙ ВДОВЫ»

В

ПРЕДДВЕРИИ Нового года принято говорить о старом и новом. О том самом новом, чьё появление мы всегда встречаем с радостью, и об уходящем старом, — его мы не всегда провожаем с сожалением.

Когда одного любителя искусств спросили, что в театральной жизни его могло бы поразить больше всего, он, не моргнув, ответил:

— Театр оперетты без «Сильвы».

Мы хотели, было, возразить, что в этом ничего невероятного, но, просмотрев опереточный репертуар, стыдливо умолкли. Да, действительно, театрал захотел невообразимого. Опереточный театр без «Сильвы»! Такие пожелания даже в новогоднюю ночь кажутся несбыточными.

Чтоб не подумали о нас, будто мы хотим быть строже самого управления музыкальными театрами, мы признаёмся сразу: «Сильва» персонально не вызывает у нас сомнений ни по музыке, ни по сюжету. Но ведь мы условились поговорить о старом и новом. Вот тут-то старушка и подвернулась на нашем пути в блеске старомодного «венского шика», щеголяя набором великосветских острот такой давности, что употребление их даже в среде периферийных куплетистов считается признаком творческой отсталости.

Заговорив о старом, мы не случайно приподняли занавесы опереточных сцен. Во всех жанрах советского искусства, вместе взятых, не сохранилось и десятой доли того старого — в смысле отжившего свой век, — что мирно существует в театрах музыкальной комедии. Сомкнутыми рядами идут бесконечные Марицы, Баядерки, Весёлые вдовы, Графы Люксембурги, Дьявольские наездники, Принцессы долларов и прочие представители нафталиновой знати.

При участии предприимчивых переводчиков с русского на русский опереточные красавцы, подмигивая и приплясывая, несут со сцены околесицу, столь же глупую, как и вредную...

«Любить не беда,
Ведь в любви нет вреда,
Можно всегда разлюбить без труда...»

Эту «мораль» проповедует Граф Люксембург. В той же оперетке один из персонажей подсекает зрителей такими откровениями: «Разве можно забыть эти чудные минуты, — как сказал вдовец, вспоминая кончину своей сварливой супруги...»

Или ещё хлестче:

«Вот так чудо! — как сказал папаша, возвратясь из трёхлетнего путешествия и застав дома шестимесячного сынка...»

Когда авторов опереточных переводов тычут носами в сочиняемое ими, они обиженно восклицают:

— А музыка!..

В управлении музыкальных театров существует даже точка зрения, что опереточные театры не могут прожить без венского репертуара. Была создана даже специальная комиссия... Если бы вам сказали, что при Министерстве лёгкой промышленности имеется комиссия по унификации заграничных галстуков, вы бы посчитали это не очень остроумным анекдотом. Однако при Комитете по делам искусств почти год существовала комиссия по унификации венских оперетт — и никто анекдотом это не считал. С рвением крыловского петуха комиссия разгребала венскую опереточную кучу, но длительная глубокомысленная работа была отмечена лишь в статье расходов. В статье доходов жемчужное зерно зарегистрировано не было. Комиссия приказала долго жить. А жизнь опровергла досужие домыслы. Этим летом свердловский Театр музыкальной комедии гастролировал в Сочи. Напутствуя театр, гастрольных дел мастера нащёптывали что-то насчёт курортных настроений сочинских зрителей. Однако театр, всегда считавшийся пропагандистом советской оперетты, не побоялся вывезти на курорт репертуар, состоявший из восьми советских спектаклей и только трёх венских. Мы заглянули в сводку сборов. Вот последняя неделя гастролей. Она удобна для сравнений — в эти дни было дано три советских оперетты и три венских. Советские спектакли дали сбор в 49 326 рублей, а венские — только 31 615...

— Э-ге, — слышатся нам голоса маловеров, — хорошо говорить о Свердловском театре, а как дела у других, что помельче!..

Вот одна строка из объёмистой сводки Всесоюзного управления по охране авторских прав.

В прошлом году по всей стране «Сильва» была представлена 855 раз. Сумма сбора — 2 969 185 рублей. Советская оперетта «Вольный ветер» за это же время была поставлена 936 раз, но сумма сбора оказалась куда более значительной — 5 810 468 рублей. Ничего не попишешь! Сальдо не в пользу любителей венщины.

Наступили грустные дни для «Весёлой вдовы» и её подружек. Очереди у касс Московского театра оперетты стоят за билетами на советские спектакли, на «Трембиту» и «Акулину», а не на «Марицу» и «Баядерку», за юбки которых продолжают судорожно цепляться отдельные опереточные деятели...

Н. ЛАВКОВСКИЙ

Рис. Г. ВАЛКА

МАРИЦА (графу Люксембургу): — Помнишь ли ты, как улыбалось нам счастье?..

Новогодние

ТЕЛЕГРАММЫ

МЕСТНАЯ
 ЖУРНАЛУ ИСКУССТВО
 ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШ
 ДОРОГОЙ ЗПТ (ОЧЕНЬ ДОРОГОЙ
 ЗПТ) СЛИШКОМ ДОРОГОЙ
 ЖУРНАЛ (20р ЗА НОМЕР
 С НОВЫМ ГОДОМ
 ХУДОЖНИКИ

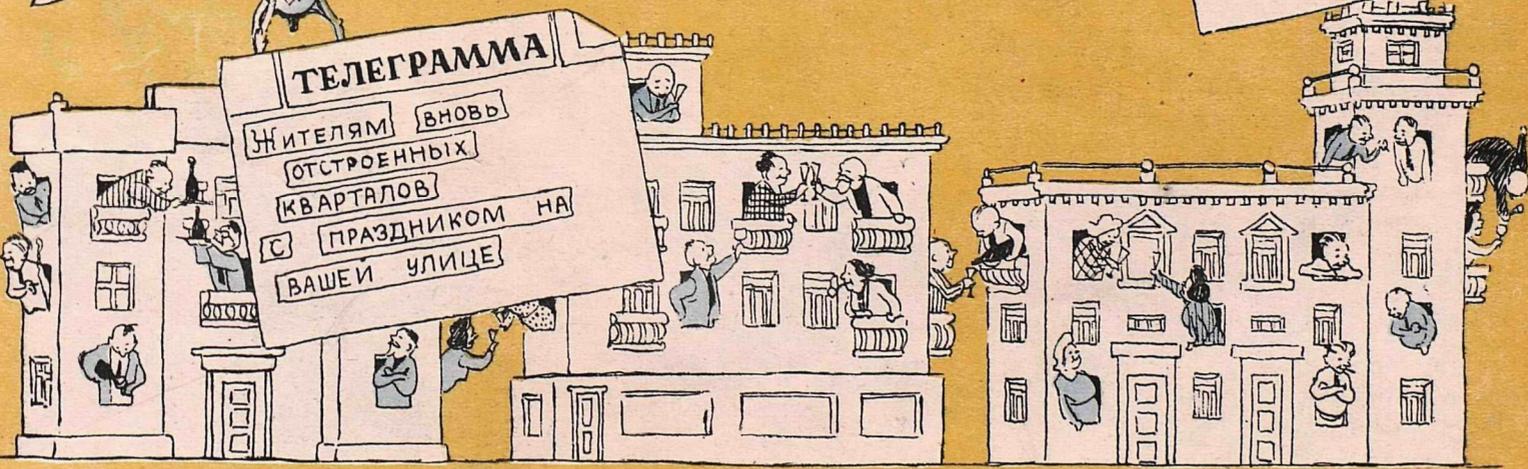
МОЛНИЯ
 ДИРЕКТОРУ ЗАВОДА
 САМОПИШУЩИХ РУЧЕК
 ПОЗДРАВЛЯЕМ (ТЧК)
 БЕЗРЕЗУЛЬТАТНО
 ВАШИ РУЧКИ ЖМЕМ

ТЕЛЕГРАММА
 АВТОЗАВОД ИМ. СТАЛИНА
 ОБЛАДАТЕЛЮ «КУБКА СССР»
 ФУТБОЛЬНОЙ КОМАНДЕ
 ТОРПЕДО
 ПОЗДРАВЛЯЕМ НОВЫМ ГОДОМ
 ЖЕЛАЕМ ПРОШЛОГОДНЕГО
 УСПЕХА

ТЕЛЕГРАММА
 ССП СЕКЦИЯ
 КРИТИКОВ
 ПОЗДРАВЛЯЮ
 ЗАГЛЯДЫВАЙТЕ ПОЧАЩЕ
 В БЕЛИНСКИЙ

ТЕЛЕГРАММА
 ЖИТЕЛЯМ ВНОВЬ
 ОТСТРОЕННЫХ
 КВАРТАЛОВ
 С ПРАЗДНИКОМ НА
 ВАШЕЙ УЛИЦЕ

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, Г. КОРОЛЬКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 40, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50. Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 50 коп. в месяц.
 Москва. Изд. № 913. Подписано к печати 26/ХІІ 1949 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.
 А — 09600. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 3340. Тираж 167 000 экз.

39

31 ДЕК 1949

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

Всесоюзная
Книжная Палата
Обяз. экзempl.
1950 г.

84 Ж

— На вот, продолжай! Тебе и карты в руки!